

89(2)РСС=19091
48

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

НЕКРАСОВ

II^й СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДА-
ТЕЛЬСТВО ПЕГ 1912.

Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сборник II

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению
ПЕТЕРБУРГ • 1919

84/100 = 100
и 48

От Народного Комиссариата по Просвещению.

Сочинения Н. А. Некрасова монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительство. Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Николай Алексеевич Некрасов.

(Род. в 1821 г.—умер в 1877 г.).

В сороковых годах прошлого столетия русское общество стало постепенно пробуждаться от спячки, охватившей его в первую половину царствования Николая I-го. Освободительные идеи распространялись всё шире и шире, несмотря ни на какие строгости полиции и цензуры. Пламенные речи о свободе, равенстве и братстве, о гражданском долге, о всенародном благе волновали умы, будили общественную совесть. Мало-по-малу обозначились определенные задачи. Заговорили о коренном изменении существовавшего в России государственного строя. Но правительство твердо стояло на страже старых порядков, беспощадно подавляя всякую попытку открытого выступления.

В 1853 г. началась Крымская война, закончившаяся в 1855 г. падением Севастополя. Позорный исход войны показал, что вопрос о полном обновлении старого строя не пустая болтовня, а настоятельная необходимость. Правительство пошло на уступки; началась так называемая «эпоха великих реформ». Однако, правительство постаралось уступить как можно меньше, и когда раздались голоса, требовавшие большего, оно сумело заставить их замолчать. Стало ясно, что добыть свободу можно не словами, а действием. Освободительное движение перешло в революционную борьбу.

Некрасов, остававшийся всю жизнь верным идеям свободы и народного блага, приобщился им впервые в кружке Белинского, с которым познакомился в 1844 г. Знакомство было непродолжительным: в 1848 г. Белинский умер. Но за эти четыре года Некрасов успел вполне усвоить себе

вольнoлюбивые убеждения и чувства передовых кругов русского общества. Вместе с тем, определилось его отношение к себе, как поэту. Он полагал, что в такое время поэт не должен оставаться в стороне от общего движения, что в стихах своих непременно должен говорить обо всем, что волнует умы и сердца его современников. Убеждение, что поэт должен писать не для отвлеченных законов «вечной красоты», а для живых людей, которые его читают, не покидало его всю жизнь и вызвало презрительное к нему отношение поклонников «чистой поэзии».

Это широкая публика зачитывалась его стихами, находя в них отклик на волновавшие ее чувства.

Видя свое поэтическое призвание в воспевании гражданских идей и чувств, Некрасов, однако, вполне допускал возможность и другого рода поэзии. Он высоко ценил таких чуждых ему по духу поэтов, как Тютчев и Фет. Там, где он говорит о своей поэзии («Муза») или о призвании поэта («Поэт и гражданин»), Некрасов постоянно ограничивает свою точку зрения свойствами своего таланта и условиями текущей жизни. В стихотворении «Праздник жизни, молодости годы...» он даже сомневается в праве называться поэтом, так как нет в его «суровом, неуклюжем стихе творящего искусства». Время показало, что его сомнения были напрасны: гражданские стихи Некрасова до сих пор сохранили свое значение, несмотря на то, что условия, в которых он их писал, коренным образом изменились.

Современники вполне оценили гражданскую музу Некрасова. Его стихи раскупались нарасхват; восторженная молодежь причислила его к своим духовным вождям и провозгласила величайшим поэтом. Но было одно обстоятельство, которое сильно смущало его поклонников и давало повод недоброжелателям обвинять Некрасова в неискренности и притворстве.

Дело в том, что внешняя жизнь Некрасова мало чем отличалась от жизни буржуазного общества его времени. Он жил богато, с удобством, любил хорошо одеваться,

хорошо поестъ, был членом англійскаго клуба, вел крупную карточную игру, летом ездил в деревню на охоту, — словом, жил не так, как следовало бы, по мнѣнію современников, жить человеку, посвятившему себя служению обществу и народу.

В то время, как одни из его друзей и соратников (Белинский, Добролюбов) умерли в нищете, изнуренные непосильным трудом, другие (Чернышевский, Достоевский) томились в ссылке, — он спокойно пользовался всеми благами жизни, ничем не жертвуя в общей борьбѣ за свободу.

Некрасов сам чувствовал, что тут есть какое-то несоответствие, и мучился сознанием неисполненнаго долга. Правда, в молодости он сильно нуждался, голодал, ночевал под открытым небом; но всё это было в самом начале его литературной деятельности, когда он семнадцати лет от роду очутился в чужом Петербургѣ без копейки денег и без близких людей. Потом он быстро освоился с положением и в короткое время сумел не только встать на ноги, но и положить начало своему будущему благосостоянію, за которое вынес столько нареканий.

Кроме буржуазнаго образа жизни Некрасову ставили в вину его близкіе отношенія с правительственными чиновниками, преимущественно цензурнаго ведомства. В этом видели желаніе Некрасова оградить себя от возможных преследованій. Особенно усилились нападки после того, как Некрасов написал стихотвореніе в честь генерала Муравьева, прославившагося кровавым подавленіем польскаго восстанія. Он надеялся таким путем спасти свой журнал «Современник», который правительство хотело закрыть за «вредное» направленіе. По этому поводу Некрасов написал стихотвореніе «Ликуетъ враг...». Не задолго до этого случая Некрасов получил стихотвореніе от неизвестнаго ему лица, в котором автор прямо спрашивает его: правда ли, что говорят, будто

Твой чудный голос ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.

В ответ на это Некрасов написал свое стихотворение «Неизвестному другу», в котором, не отрицая своих преступлений, просит простить его ради того немногого, что он сделал для блага родины.

Сознание, что он прожил жизнь не так, как надо, что не сделал того, что должен был сделать, неотступно преследовало Некрасова во время его предсмертной болезни. Его мучила мысль, что народ, о котором он так много писал, его не читает, что революционная молодежь презирает его за недостаточную стойкость убеждений, что люди искусства не признают его поэтом, что он умирает чужой для всех, никому ненужный. В такую тяжелую минуту было написано его стихотворение «Скоро стану добычею тленье...» и напечатано в январской книжке «Отеч. Записок» за 1877 г.

Общество, в лице петербургского студенчества, поспешило рассеять мрачные мысли умирающего поэта и выразить ему свои чувства. Группа студентов явилась к нему и передала покрытый многочисленными подписями адрес, в котором, между прочим, имелись такие стихи:

Напрасна мысль, что ты и жил
И умираешь нелюбим
Никем, что рок тебе сулил
Народу быть всегда чужим.
Певец народных зол и бед,
Певец крестьянского труда,
Ты был нам дорог с детских лет —
И будешь дорогим всегда.
И паша „серая толпа“
Тебя когда-нибудь прочтет,
От „лаптя“ бедного тропа —
К тебе, поверь, не зарастет.
Мы верим, что наступит день,
Собою мрак он заменит,
Прогонят ночи долгой тень,
И солнце ярко заблестит...

Этот день наступил теперь; ровно через 40 лет после смерти Некрасова.

Стихи мои! Свидетели живые
За миръ пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

21 февр. 1858 г

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН.

ГРАЖДАНИН—*входит*.

Опять один, опять суров,
Лежит—и ничего не пишет.

ПОЭТ.

Прибавь: хандрит и еле дышет—
И будет мой портрет готов.

ГРАЖДАНИН.

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

ПОЭТ.

Так что же?

ГРАЖДАНИН.

Да глядеть обидно.

ПОЭТ.

Ну, так уйди.

ГРАЖДАНИН.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило!
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

ПОЭТ.

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

ГРАЖДАНИН.

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул.
Проснись: громи пороки смело...

ПОЭТ.

А! знаю: вишь куда метнул!
Но я обстреленная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

Берет книгу.

Спаситель Пушкин!—Вот страница:
Прочти и перестань корить!

ГРАЖДАНИН—*читает.*

«Не для житейского волнения,
«Не для корысти, не для битв,
«Мы рождены для вдохновения,
«Для звуков сладких и молитв».

ПОЭТ—*с восторгом.*

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моею
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

ГРАЖДАНИН.

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,

Что даже согная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь—пора!
И я восторг твой разделяю;
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

ПОЭТ.

Не говори же чепухи!
Ты рьяный стец, но критик дикий.
Так я, по-твоему,—великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!..

ГРАЖДАНИН.

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы.
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо—
Ты твердо светоч свой держал;
Но небу было неуютно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался...
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать!
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сияньи спорят небеса,
И ветер ласковый и сонной
Едва колеблет паруса,—
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто, вместо корабля,
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; бури стонет
И снасти рвет, и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пёс—и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленинцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пуškai ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог-помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.

Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной, —
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибли безупречно:
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

А ты, поэт, избранник неба,
Глашатай истин вековых!
Не верь, что неимущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди:
Не умер Бог в душе людей,
И вопль из верующей груди

Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Все-обнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

поэт.

Ты кончил?.. Чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других—потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем;
А если в сторону свернем—
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

ГРАЖДАНИН.

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказано?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.—
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!

И ты с собой его ровнял!?

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет, или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу... Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?... Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!

В твоём сравнении смысла нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

ПОЭТ.

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить—
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче—очень безрассудной—
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы—я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнасс.
Без отвораченья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел..
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. Мои услышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,—
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,

И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои—
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Донныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень
Бедняк! и из чего попрая
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты—сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья
У двери гроба я стою ..

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи—
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя—

То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких ворюшек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней зываю—
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Сульба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один веночек терновый
К твоей угрюмой красоте...

Лето 1856 г. близ
Ораниенбаума.

МУЗА.

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум,
И не явилась вдруг восторженному взору

Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страдания и оков,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
В усладу нового пришельца в Божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
Всё слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «мщение!» — и буйным языком
В сообщники свои звала Господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной,
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг

Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятой девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела—
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

1851.

[НА СМЕРТЬ ГОГОЛЯ].

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят.

Но нет пошады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью груль,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря, и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных, и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

25 февр. 1852.

Праздник жизни—молодости годы—
Я убил под тяжестью труда,
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени—не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело чтонибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кишит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца,
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

1855.

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю—и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозюю
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя—во сне и на-яву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя,—теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

1856.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА.

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужчины, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, охладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, проталтываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон-дер-Гребен, нечто в роде посланника, важная, надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

ПАЛЬЦОВ.

Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:

Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс—в жилете.
Вино, рысак, лоретка—тут он весь
И с внутренним, и с внешним миром;
Его тщеславие вращается дондесь
Между конюшней и трактиром.

Программа жалкая его—
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;
Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь пыганке;

Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать—*Александрю*.

Французским jeunes premiers в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в Милютиных рядах
За лавками—в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой:

Не мыть полов, салфеток, склянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,

Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим сьяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он—
Наш милый франт—что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет.
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.
Стаканом можно каждого спить
И каждого не трудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

М И Ш А.

Ты метко франтов очертил.

П А Л Ь Ц О В.

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы,
Современем родному краю
Готовятся...

М И Ш А.

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди—их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы

До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

ПАЛЬЦОВ.

Соединить их — мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

МИША.

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот, например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

ПАЛЬЦОВ.

Вот чудо!

МИША.

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге

С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я—его любезный внук—
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

ПАЛЬЦОВ.

Ты шутишь?

МИША.

Нет, я не шучу!

Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья»,
И ты утетишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

ПАЛЬЦОВ.

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,—
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант—пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

МИША.

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

ПАЛЬЦОВ—*сместся.*

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но—чудо!—
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

МИША.

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.—
А я опять-таки скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом—сам ты замечал—
Великосветский радикал!

П А Л ь ц о в .

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — невелик секрет!

М И Ш А .

И то уж хорошо, что времена прошли
Брать эти, не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

П А Л ь ц о в — с *зневом*.

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятого злорастства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А бигым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все на-стороже, все в тревоге,

И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея:
Ура! кричим мы не робея,
И тот, кто рад, и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стусеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клеветим,
Как ретроgrадам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава—в полном смысле слова!..
Свалились в кучу—и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, бляенье—
И жеребячье гоготанье—
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув людей продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим—
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.

А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, при чем таинственно указывая по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

САВЕЛИЙ.

На номера извольте становиться.

Теперь нельзя курить

И громко говорить здесь не годится.

МИША.

Что ж можно? Можно водку пить!

Хохочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам. Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая—налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Барон фон-дер-Гребен и князь Воехотский на № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мушкетер-охотник с рогатиной.

КН. ВОЕХОТСКИЙ—*подходя к барону с своего, соседнего номера.*

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

БАРОН.

И не мог
Не заключить, что этому пароду
Пути к развитию заградил сам Бог.

кн. воехотский.

Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

БАРОН.

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие—оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

кн. воехотский.

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ.
На почве, где с трудом рождается репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб,
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок—куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
Е путям железным весь народ не стянешь!
А здесь—вот, например, зимой—
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!

Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба;
За крошку хлеба капля пота—
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел—безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда—налоги, труд, рекрутство,
Его утеха—водка с дурманом!

БАРОН.

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Пальцов и Миша на № 1-м. К Пальцову подходит с своего номера Миша.

МИША.

Еще не скоро выйдет зверь...
Покамест, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова: «общественное благо»
И произнести нужна была отвага,
Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условия
Сближали нас, а по-просту расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

ПАЛЬЦОВ.

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабатный гений!

МИША.

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ степенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

ПАЛЬЦОВ.

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать — повиноваться!»
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

МИША.

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитель,

Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских)
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадьё мы прямое, —
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить:
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не мараз,
Он для того был слишком идеален,
По он зато не делал ничего...

П А Л Ь Ц О В.

О ком ты говоришь?

М И Ш А.

В литературе

Описан он достаточно; его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,

Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

П А Л Ь Ц О В.

Да это — я!

М И Ш А.

Как хочешь — понимай!
Ты был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их помнить...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими создавцами
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, падменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда—
Всё же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспредельного печать:

Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

П А Л Ь Ц О В .

Куда ж девались люди эти?

М И Ш А .

Бог весть! Я не встречаю их.
Их несня счета—что нам в них?
Герои слова, а на деле—дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист—
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочие места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
Зато теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,—
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог на-помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они—они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу!

У ней была задача: как-нибудь
Намеком патолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое, трое—
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел—и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я—не белоручка!»
Говаривал ты намъ—и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив;
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел, не угасая,

Самим собой и жизнью до конца,
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя,—

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал—
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо—писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всею русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?...

Перед рядами многих поколений
Прошел твой образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!

Цытлив ты был; искусство и природа,
Наука, жизнь—ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему не придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...
Над чем смеяться вздумали, глушцы!
Опошлить чувство селятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,

Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнью народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретений их во времена крутые!
Мудренными путями Бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколение два-три человека!

Как ты меня, однакож, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...

.....

В леву раздаётся сигнальный выстрел и вслед затем крики, трещотки, хлопнушки. Охотники поспешно расходятся на свои номера и становятся на-сторожке, со взведенными штуцерами...

Весна 1867 года.
Париж и Флоренция.

С Л Ш А.

И. С. Тургеневу.

1.

Словно как мать над сыновней могилдой,
Стоит кулик над равниной унылой,

Нахаль ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накопившие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыпом к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром не стинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливой смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду —
Благо, не поздно — теперь же к соседу,

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радущье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка немногим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану попрежнему в нем?

2.

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука:

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рясет румянец и ярче, и краше...
Мило и молодо дитяtko ваще, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный, смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы;

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая пожка;

Да и чего побойтся она?..
Все так спокойно; кругом тишина;

Сосны вершинами машут приветно;
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Поле идешь—всё цветы да цветы,
В небо глядишь—с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Врыжнется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей»,

Думает Саша—«безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликованье

Саше порукой, что милостив Бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне—

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселая,
В землю бросающих горсти семян!

Дорого-любо, кормилица нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной сполами телегой
Чинно идет жеребеночек пегий,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают,
Да высоко молотила взлетают,

Не успевают улечься их тень.
Солнце взошло—начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саша всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

«Сашенька! Саша!...» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздастся «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка..
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

«Э!.. Да никак колосистую рожь
«Переросла наша дочка!»—Так что ж?—

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу—серп удалой,
Девнице взрослой—жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!»

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. По-утру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Нянька кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя.

Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки—и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка—
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой.

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

По-низу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал—и вон побежал,

В темную пору забила лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи,
Что ни попало, в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной...

Кончились поздно груди роковые.
Выплы на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом...
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает,

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым:

Низко летали, вились колесом
Совы, параясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их погою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц—пришла. Перед ней
Варытые глыбы и тысячи шей;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами.

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на них,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних зоря догорала—

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни половою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и дунней.
Саме не спится,—но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо.

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть!..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой, свободой могучи!

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке стемной?..

3.

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году, наконец, прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексич Агарин.
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
Был—говорит—я теперь заграницей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов—

Всё там приволье и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кропштадт я пришел,
И надо мной всё кружилося орел,

Словно пророчил великую долю.—
Мы со старухой дивилися вволю,

Сапа смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей,
Да над природой подтрунивать напей—

Есть-де на свете такая страца,
Где пикогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,—

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать на-распев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,—

Вот уж который темерича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но—говорит—не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И, в подтверждение надежды своей,
Старой рябиновкой чокался с ней.

Сапа туда же—отстать-то не хочет—
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — нивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Бил — говорит — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... нора!
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тепят салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкой плачет.
Видели: письма всё пипет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем—и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно!

Вышла навстречу—и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто на-зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое:

Род человеческий низок и зол—
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил—мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день,
Саша тоскует и бродит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость павестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сапу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам, шутя:
— Тешится новой игрушкой дитя! —

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится Богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу» —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. Он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» ---

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек,

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?

4.

— Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится—Бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искунитель людской,
Это, — увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе испопицкого ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, идти по дороге избитой
Лень помешала, да разум развитый.

— «Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир — говорит — ошастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его. Пужны не годы,

Нужны столетья и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильней ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда не большая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное всё сделает время.
Сеет он, все-таки, доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы,—то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и паги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края,—оттуда, где люди
Дышат вольнее,—в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок, и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна—
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой—
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно—
Пышным плодом отродится оно!

Начато в 1852 г., окончено
весной 1855 г. в Ярославле.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ.

Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!—
Вишь пора-то сенокосная,
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только пянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку,
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лясенку;
Няня дремлет и поет:

— «Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

«Сила ломит и соломушку—
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

«В люди выдешь— всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

«И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откуда?»
— Я проезжий, городской.—
— «Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— «Баю-баюшки баю!

— В пошлой лени усиливающий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт—ум глупцов!

— В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

— С ними ты рожден природою—
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

— Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

— Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

— Необузданную, дикую
К угнетателямъ вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

— С этой ненавистью правую,
С этой верою святой,
Над неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой...

— И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1858.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА.

(Пиано в 1858 году).

Вот парадный подъезд. По торжественным дням
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь—в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожекторы, искатели мест,
И проклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то-и-знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.

Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,

Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар.—«Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать брели-то долгощко они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной ленты не взяв.
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его Бог!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах!

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Безмятежной аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солище пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,—как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалою!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу—
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас Провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,

Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется—
То бурлаки идут бечевою!...
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой сон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?...

1858.

БАЛЕТ.

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольных рой...

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.

Нет, на улице трудно дышать.

Муза! нынче спектакль бенефисный,

Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.

Сядем здесь. Я боюсь первых мест:

Что за радость ослепнуть от блеска

Генеральских, сенаторских звезд?

Лучезарней румяного Феба

Эти звезды: заметно тотчас,

Что они не нахватаны с неба —

Звезды неба неярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но—
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайτε, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка—сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный дефди и щеголь
(То есть: купчик—кутила и мот),
И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов—
Всех молчаньем пройти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек.
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?),—
Но и их я оставляю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое—
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в маѐже, на бале

Словом, в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце,
Есть одно—*угадайте, какое?*—
Выраженье на русском лице...
Впрочем, может быть, вам недосужно?
Муза! дай—если можешь—ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть;
Но взглядишь: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило—
И великих, и малых людей—
И на каждом челе начертало
Надпись: *иде бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я наднях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос—
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить;
Но занять, говорят, невозможно,—
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их—говорят.
Осуждают юристы героя...

Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границею знать,
Отчего оголело дворянство—
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух—
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Шлинке¹⁾:
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь—откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра²⁾,
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! Злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!

¹⁾ Хозьева «Английского магазина».

²⁾ Известные модистки.

Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сто ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С Богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулусе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают, и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить—такие пришли времена!
Купишь что-нибудь—дерзкий приказчик
Ассигнацию шупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольное!

Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом, сохрани меня Бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал;—
«Будто нет благородней материй?»

Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебюо прекрасен
Бель-этаж—настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены—
Сотни тысяч рублей, что ни грудь.
В жемчуге лебединные шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах мужчины—евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бель-этаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье—
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но—
Не затих еще шопот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,—
Перед гнусным менялой валяться
Ты решила на грязном полу,
И, когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил—и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты оиять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,—
Бог бы с ним. Расставаться тошнкой
С этой чопорной жизнью салонной

И с разгулом интимных ночей,
С этим золотом, бархатом, шолком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, чтоб снова блистать,—
Но свершились пути Провиденья,
Всё погибло—и деньги, и чести!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен—богачам не забота,
Им простительна всякая блажь;
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! Вы бы надели
Платье проще!—Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой,
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед нехорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бель-этаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,

Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть).
Все бинокли приходят в движенье—
Появляется кор-де-балет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал.
«Однако, вы — астроном!»
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о, профан!)
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...»

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремленьи к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

«Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин.

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас!

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Вэвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо—
Мы вправо...—Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель... «Фора! bis!»

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру);
Пантоминною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Появилась в рубахе крестьянской
Петипа—и театр застонал:
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем; но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам:
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё—до ластовиц белых в рубахе—
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка—волшебница ты!
Ничего не видали во-веки
Мы сходней; настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.

Только ты, моя Муза, лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что-ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный—
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевел, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он—даже песни поет!..

А то есть и такие обозы—
(Вот бы Роллер нам их показал!)—
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных,
Много тянется поездов длинных...

Пряником через реки, поля
Едут путники узкой тропюю:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглюю.
От утра до вечерней поры

Всё одни пред глазами картины:
Видишь, как, обнажая бугры, :
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,

Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая иташка,
Что от нас не летит никуда—
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов

Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки, —
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается:
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты, крестьянское горе!

Ой, ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!»
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее?
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется, кому эту кладь
Но суровым сердцам разобрать,—
Там она приютится, попрячется,
До другого набора проплачется!

* * *

(ОТРЫВОК).

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,

Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о Боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня — в *кучерском армячке.*
Папаша! Кто строил эту дорогу?
Папаша — в *пальто на красной*
подкладке.
Клеймихель, душенька.
Разговор в вагоне.

I.

Славная осень! Здоровый, едрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной,
Словно как тающий сахар, лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кечи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Добрый папаша! К чему в обаянии
 Умного Ваню держать?
 Вы мне позвольте при лунном сиянии
 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
 Не по плечу одному!
 В мире есть царь: этот царь беспощаден,
 Голод — название ему.

Водит он армии; в море судами
 Правит; в артели сгоняет людей;
 Ходит за плугом; стоит за плечами
 Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
 Многие — в страшной борьбе,
 К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
 Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты.
 А по бокам-то всё косточки русские...
 Сколько их, Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
 То сторонами бегут.
 Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
 «Любо нам видеть свой труд!

«Мы надрывались под зивем, под холодом,
«С вечно согнутой спиной,
«Жили в землянках, боролися с голодом,
«Мерзли и мокли, болели цынгой.

«Грабили нас грамотей-десятники,
«Секло начальство, давила нужда...
«Всё претерпели мы, Божии ратники,
«Мирные дети труда!

«Братья! Вы наши плоды пожинаете!
«Нам же в земле истлевать суждено...
«Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
«Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо-дня-в-день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную—
Вынесет всё, что Господь ни пошлет!

Вынесет всё—и широкую, ясную
Грудью дорогу преложит себе.
Жаль только—жить в эту пору прекрасную
Уж не придется—ни мне, ни тебе.

III.

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул—исчезла толпа мертвецов!
«Видал, папаша, я сон удивительный»,
Ваня сказал:—«тысяч пять мужиков,

«Русских племен и пород представители
Вдруг появились, и он мне сказал:
— «Вот они—нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видал я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

— Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

— Вот наш народ—эти термы и бани—
Чудо искусства—он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и немец
Не создавать—разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

— Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону ..

IV.

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Копчены—немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Брепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
«Да, вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздничный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица;
И говорит, подбоченясь картинно...
«Ладно... нешто... молодца... молодца!..»

«С Богом теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!*...»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1865.

ЕЩЕ ТРОЙКА.

1.

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той

Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2.

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес—и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: стоять!
Девятый шкалик вышивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит—и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3.

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,

И в доме, издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит—и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4.

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кроважидным чадом тьмы?
Какое-ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство,
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь—и улетает,
Куда Макар телят гоняет!..

ПОХОРОНЫ.

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали во век:
Как у нас—голова бесшабашная—
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы...—тошнёхонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорёхонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка Божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долк,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доканало сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит,—
«Чу!» кричат наши детки проворные:
«Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им напивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошок я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива-ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и придет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долёк,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

1861.

С В Я Т Е Л Я М.

Святель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы-ль твои семена?
Робок-ли сердцем ты? слаб-ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Движьте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

1876.

Д Р У З Ь Я М.

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешнюю!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же—не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
В ней проторили пути...

1876.

Ялта.

* * *

Ликует враг, молчит в педоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной,
Великие страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял.
Зато кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

27 апреля 1866.
Петербург.

НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ

ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ СТИХОТВОРЕНИЕ:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О, родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость—в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая—на веки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О, родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на вчти?

За каплю крови общую с народом
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел..
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути,
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о, родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет;
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови общую с народом
Мою вину, о, родина! прости!..

1867.

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! Как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словом.

1880.

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал:
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных—
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещице их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет... На меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

По наброску 1874 года.

• • •
О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба—
Не плачь! Завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский—взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

1877.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Н. А. Некрасов	3
Стихи мои! Свидетели живью...	7
Поэт и гражданин	7
Муза	17
[На смерть Гоголя]	19
Праздник жизни—молодости годы...	21
Замолкни, Муза мести и печали...	22
Медвежья охота	23
Саша	43
Песня Еремушке	65
Размышления у парадного под'езда	68
Балет.	73
Ночь. Успели мы всем насладиться...	86
Железная дорога	87
Еще тройка.	92
Похороны.	94
Сеятелям	98
Друзьям	98
Ликует враг...	99
Неизвестному другу.	99
Что ты, сердце мое, расходилось?.. . . .	101
Скоро стану добычею тленья...	101
О, Муза! я у двери гроба!.. . . .	102

150

21112 2012X00

Стихотворения Некрасова печатаются по тексту, представленному Б. И. Чуковским для собрания сочинений Некрасова.

